

Научная статья
УДК 340.13
doi: 10.17223/15617793/474/30

Запрет на обход закона в механизме правового регулирования: историко-правовой аспект

Иван Николаевич Сенякин¹, Артем Григорьевич Репьев², Константин Евгеньевич Торчилин³

¹ Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, vestnik2@ssla.ru

² Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, rejev-artem@yandex.ru

³ Тамбовский областной суд, Тамбов, Россия, k.e.torchilin@gmail.com

Аннотация. Проанализированы процессы возникновения и развития в механизме правового регулирования запрета на обход закона как правозащитного средства. Выделены основные исторические этапы противодействия данной форме поведения, установлены технико-юридические особенности внедрения запрета на обход закона, а также практика его применения. Поднята проблема формальной неопределенности понятия «обход закона» в памятниках отечественного законодательства, отмечены недостаточная изученность данного феномена в теории права, разрозненность существовавших доктринальных позиций о его юридической природе.

Ключевые слова: обход закона, механизм правового регулирования, правовая норма, злоупотребление правом, неправомерные действия

Для цитирования: Сенякин И.Н., Репьев А.Г., Торчилин К.Е. Запрет на обход закона в механизме правового регулирования: историко-правовой аспект // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 272–284. doi: 10.17223/15617793/474/30

Original article
doi: 10.17223/15617793/474/30

Prohibition to bypass the law in the legal regulation mechanism: A historical and legal aspect

Ivan N. Senyakin¹, Artem G. Rejev², Konstantin E. Torchilin³

¹ Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation, vestnik2@ssla.ru

² Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russian Federation, rejev-artem@yandex.ru

³ Tambov regional court, Tambov, Russian Federation, K.E.Torchilin@gmail.com

Abstract. The aim of the study is to solve a major scientific problem – to determine the legal nature and content of “circumvention of the law”, as well as its place in the system of means of legal regulation. “Circumvention of the law” means a behavior of the subject in which the norm is not respected, not directly, but by various combinations that conceal such actions. The hypothesis of the study is the thesis that modern legislation, judicial and other law enforcement practices, as well as the scientific community, unreasonably avoid considering the phenomenon of “circumvention of the law” in essence, while actively using this terminology without offering an appropriate definition, mixing with other legal institutions, such as “invalid transaction”, “fake transaction”, etc. This situation not only impoverishes the scientific and theoretical apparatus of jurisprudence, but also reduces the effectiveness of legal regulation through a system of legal permits and advantages, levels the protective potential of restrictions and prohibitions. The current need predetermined the need to study the historical laws and shortcomings of the technical and legal consolidation of bypassing the law. Subsequently, the multidimensional nature of the impact of the ban on circumventing the law as a specific human rights tool on all spheres of society and the state is argued. Using a set of general scientific and specific legal methods of cognition, the authors argue the provision on the long evolutionary development of the institution of the ban on circumventing the law, which, nevertheless, did not lead to the formation of stable determinants of its introduction into the legal regulation mechanism. The initial normative basis for countering circumvention of the law, presented by the prescriptions of acts issued in 1922, has been established, which proves the deliberate introduction by the state of a set of flexible human rights structures into the legal regulation mechanism. The functional significance of the ban on circumventing the law in the legal regulation mechanism is proved, its concept is determined. Having considered doctrinal material (both archival and modern), data from judicial and other law enforcement practices, the authors conclude that legislative regulation and the peculiarities of the functioning of the ban on circumventing the law in the legal regulation mechanism were associated with a number of circumstances: the absence of a general theoretical concept of circumventing the law that would explain this phenomenon and its socially harmful nature; the formal uncertainty of the legal concept of “circumvention of the law” and, as a result of the above, the insufficiently logically verified position of the legislator regarding comprehensive opposition to circum-

vention of the law. Thus, at the initial stages of the development of the Soviet legal regulation mechanism, the ban on circumventing the law was important as an additional legal guarantee of legality in the field of civil law, having today evolved into an intersectoral legal phenomenon that needs a comprehensive general theoretical study.

Keywords: circumvention of law, legal regulation mechanism, legal norm, abuse of law, illegal actions

For citation: Senyakin, I.N., Repev, A.G. & Torchilin, K.E. (2022) Prohibition to bypass the law in the legal regulation mechanism: A historical and legal aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 474. pp. 272–284. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/474/30

В современных социально-правовых реалиях происходит значительная интенсификация общественных отношений. Отмеченная тенденция отчетливо выражается не только в постоянном количественном росте общего массива разнообразных социальных связей, но и в их постепенном усложнении, а также в возникновении их качественно новых форм. Наиболее востребованные из них находят закрепление и детализацию в действующем законодательстве. Например, правоотношения, основанные на введенных в 2015 г. в Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) нормах о рамочных, опционных и абонентских договорах, отношения, происходящие от таких новаций в гражданском праве, как альтернативные и факультативные обязательства (Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации»), а также социальные связи, вытекающие из проведения до 31 декабря 2028 г. эксперимента по установлению в ряде субъектов РФ специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход” в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)»), и др.

В этих динамично меняющихся условиях существенно актуализируется потребность в постоянном, комплексном и концептуально обоснованном совершенствовании механизма правового регулирования, в переоценке и приведении различных форм правового воздействия в строгое соответствие с прогрессивными конституционными началами, международными нормами и принципами, развивающимися правами и свободами, многофакторными социальными ожиданиями.

Положения ст. 2 Конституции РФ задают одно из ключевых направлений модернизации данного механизма – систематическое совершенствование и отладка правозащитных юридических средств, устанавливающих и обеспечивающих гарантии юридической защищенности субъекта как в отдельных правоотношениях, так и в целых сферах жизнедеятельности общества. Значение таких преобразований для развития институтов правового государства в условиях высокой изменчивости законодательства сложно недооценить, а совокупность мер, применяемых публичной властью в данной области, достаточно вариативна и не ограничивается экстенсивным расширением казуальных запретов или пересмотром существующих санкций.

Инициатива Верховного Суда РФ по внедрению в уголовное законодательство качественно новой фор-

мы противоправного поведения – уголовного проступка (Законопроект № 612292-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка»), увеличение диапазона использования административной преюдиции в уголовном законодательстве, нашедшей поддержку как Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий в связи с истечением срока его пребывания в должности Д.А. Медведева (Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации от 12.11.2009), так и Президента России В.В. Путина (Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации от 03.12.2015), применение в правозащитных целях неюрисдикционного процесса [1. С. 112–113], а также ряд иных мер позволяют констатировать масштабные качественные преобразования правовой материи, влекущие точечное устаревание, а в отдельных аспектах – институциональные пробелы в теоретических знаниях о самой сущности такой фундаментальной юридической категории, как «противоправное поведение».

Последняя уже не в полной мере укладывается в имеющиеся доктринальные представления о ней, а возникший и растущий дисбаланс между таким важным явлением и познаниями о нем комплексно и негативно сказывается на описательном и объяснительном потенциале теории государства и права. На практике этот дисбаланс проявляется как одна из важных причин возникновения разного рода дефектов в правотворчестве и правоприменении, неполноты охраны и защиты правоотношений, неэффективности устанавливаемых мер юридической ответственности и механизмов предупреждения противоправного поведения. Изложенное актуализирует исследования как неправомерного поведения в целом, так и наиболее значимых изменений законодательства, сказывающихся на его трактовке. В этом контексте показательной и весьма важной правовой новеллой выступает запрет на обход закона с противоправной целью (Федеральный закон РФ от 30.12.2012 № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (в ред. от 04.03.2013)), вызвавший многочисленные дискуссии в научном сообществе.

Приведенное законодательное преобразование явилось поворотом в правовом регулировании, так как повлекло обширную переоценку границ дозволенного и запрещенного, вытеснив из правовой жизни целый пласт юридически значимых отношений, которые ранее не обладали противоправным характером и

могли расцениваться только как формы свободной реализации субъективных прав. При этом осуществление соответствующих изменений в праве России происходило в условиях крайне недостаточной изученности самого феномена обхода закона, что, по существу, исключало полноценную научную обоснованность реформы.

Отмечая наличие Концепции развития гражданского законодательства (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 07.10.2009), подготовленной на основании Указа Президента Российской Федерации от 18.07.2008 № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации», а также развернутой пояснительной записки к соответствующему законопроекту, отметим, что выработка целостной теоретической основы, объясняющей правовую природу обхода закона и связанные с данным явлением общие закономерности, вплоть до настоящего момента остается одной из важных и проблемных задач, стоящих, прежде всего, перед теорией государства и права. В свою очередь, потребность в решении очерченной задачи и приведении понятия «противоправное поведение» в соответствие с изменившейся правовой действительностью актуализирует тщательный анализ прежнего опыта противодействия обходу закона, выявление особенностей его запрещения в памятниках отечественного права, локализацию направлений развития соответствующих ранее действовавших охранительных норм и оценку их эффективности, а также исследование генезиса доктринальных представлений о теоретической сущности обхода закона и его деструктивном влиянии на общественные отношения. Учет данных положений необходим и предстает неотъемлемым условием последовательного и всестороннего понимания феномена обхода закона, его места в системе иных правозащитных средств, а также особенностей его функционирования в механизме государственно-правового регулирования общественных отношений.

Начать полагаем с тезиса, что проведенная реформа вовсе не связана с практической реализацией мер противодействия какому-либо принципиально новому юридическому феномену. Напротив, выделение действий в обход закона в качестве отдельной формы неправомерного поведения имеет многовековую историю, восходящую к праву Древнего Рима. В его терминологическом аппарате такие действия обозначались как «*Agere in fraudem legis*» (Обход закона. Недозволенные действия, противные не букве, но духу закона; запрещались прямо или косвенно; практически приравнивались к действиям *contra legem*) [2. С. 30]. Древнеримский правовед Юлий Павел (Julius Paulus) утверждал: «Поступает против закона тот, кто совершает запрещенное законом; поступает в обход закона тот, кто, сохраняя слова закона, обходит его смысл» [3. С. 113]. Другой римский юрист Домиций Ульпиан (Domitius Ulpianus) высказывался: «Обход же закона бывает тогда, когда закон хотя и не желает, чтобы что-либо было совершено, однако не запрещает совершенно это, и это совершается; и как отличается сказанное

от задуманного, так различаются обход закона с тем, что совершено против закона» [3. С. 113].

При несформированности критериев, позволяющих четко отграничить обход закона от иных противоправных деяний, а также констатируя недостаточную упорядоченность и неполноту характеристик этого деяния, данных классическими римскими юристами, именно их идеи заложили основы доктринального понимания юридической природы обхода закона не только в праве Древнего Рима, но и в ряде других государств. Важно подчеркнуть, что в отличие от многих иных реципированных институтов римского права запрет на обход закона не получил широкого распространения даже в странах романо-германской правовой семьи. В настоящий момент с некоторыми особенностями он существует в правовых системах Франции [4], Германии [5. С. 11], Италии [6. С. 577] и Испании [7. С. 16], однако в целом может рассматриваться как правозащитный механизм, находящий лишь локальное использование в континентальном праве. Вместе с тем факты его закрепления в современном законодательстве отдельных развитых стран убедительно свидетельствуют о том, что в наши дни обход закона не приобрел статуса юридического архаизма, имеющего ценность исключительно для историко-правовых наук, как и не утратил социально вредный характер.

Переходя к непосредственному анализу отечественного опыта внедрения запрета на обход закона в механизм правового регулирования, надлежит, прежде всего, отметить его общую непродолжительность. Это не позволяет рассматривать противодействие обходу закона в качестве одного из традиционных направлений реализации правоохранительной функции государства и внутренней политики. Многие правоведы солидарны в оценках содержания памятников отечественного законодательства и высказывают единодушные мнения о том, что на всем протяжении длительного дореволюционного периода государственно-правового строительства обход закона не выделялся в качестве разновидности противоправного деяния и никак не запрещался, а в научной и учебной литературе того периода предметная и подробная теоретическая разработка действий в обход закона не проводилась. Е.Д. Суворов отмечает, что сам термин «обход закона» хотя и находил использование в научных работах, опубликованных в конце XIX – начале XX в., но при этом употреблялся в разрозненных смысловых значениях, в числе прочего – в качестве синонимов понятий «мнимая сделка» и «притворная сделка» [8. С. 7–11]. Вместе с тем А.И. Муранов со ссылкой на циркуляр Министерства иностранных дел Российской империи № 4105 от 15.07.1900 г. утверждает, что термин «обход закона» применялся в праве при регламентации правоотношений с участием иностранцев, но только в качестве синонима слова «обман» [9]. При этом ученый констатирует, что даже обширному и, по его мнению, достаточно прогрессивному для своего времени законодательству Российской империи в сфере международного частного права обход закона не был известен и не применялся в судебной практике при решении возникающих споров.

В первой главе первого раздела четвертой книги десятого тома Свода законов Российской империи от 1857 г., посвященной регулированию общих положений о договорах, закреплялась ст. 1529, устанавливающая следующее правило: «Договор недействителен и обязательство ничтожно, если побудительная причина к заключению оного есть достижение цели, законом запрещенной». Норма предусматривала казуально-абстрактный перечень деяний, на которые распространялся соответствующий запрет. Характер этого предписания, направленный на противодействие преодолению общеобязательных правил поведения с противоправной целью, несколько сближает рассматриваемую правовую норму с запретом на обход закона в его современной форме. Однако это не дает оснований для отождествления данных правозащитных средств.

Практическое применение концепции противодействия обходу закона и ее непосредственное внедрение в механизм правового регулирования были осуществлены на более позднем – советском этапе развития государства и права. Самым первым нормативным актом, опосредовавшим данные процессы, явился декрет ВЦИК от 22.05.1922 «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР», в пп. «б» п. 7 которого устанавливалась недействительность договоров, совершенных с целью, противной закону или в обход закона. Это обстоятельство наглядно иллюстрирует значимость, придаваемую запрету на обход закона в видении законодателя РСФСР, так как данный нормативный акт, по вполне обоснованной оценке Д.М. Гренкина, являлся декларацией, провозглашавшей общие принципиальные положения [10. С. 39]. Он не регулировал конкретные обязательства, не был предназначен для этого и по объективным причинам не мог охватить всего многообразия признаваемых в стране имущественных прав и отношений, закрепляя лишь самые важные, отправные для частного права положения, в числе которых был и запрет на обход закона. Одновременно в рассматриваемом акте содержалось поручение, адресованное Президиуму ВЦИК и СНК, о выработке на основании этого постановления соответствующих гражданско-правовых законов и проекта их кодификации. Исполнение данного поручения и категоричные правила ст. 30 первого отечественного кодифицированного источника частного права – Гражданского кодекса РСФСР (ГК РСФСР), принятого в 1922 г., представляют несопоставимо больший интерес для исследования, так как именно в этой статье было осуществлено непосредственное внедрение запрета на обход закона в механизм правового регулирования, выражена официальная оценка этой новой форме поведения как социально вредной и определены ее последствия – недействительность любых сделок, совершенных в обход закона.

Формально-юридический анализ показывает, что данная правовая новелла представляет собой предельно общую норму-запрет, распространяющуюся на все правоотношения, регулируемые гражданским законодательством. Важно, что обход закона не был

интегрирован в правовую материю в статусе самостоятельного и качественно нового института права, имеющего правозащитное целевое назначение. Он выступал лишь одним из предусмотренных ГК РСФСР оснований для признания сделки недействительной. В таком качестве данный запрет был задействован в обеспечении комплексной охраны прав и законных интересов участников соответствующих правоотношений наряду с иными не менее важными основаниями для признания сделок недействительными, хотя при этом и влек для нарушителя самые неблагоприятные последствия. Например, при несоблюдении установленной законом формы сделки на каждую из сторон возлагалась обязанность вернуть другой все полученное по сделке (ст. 151 ГК РСФСР). Совершение сделки под влиянием обмана, угроз или насилия давало только потерпевшей стороне право требовать возвращения исполненного с обязательным взысканием несправедливого обогащения в пользу государства (ст. 149 ГК РСФСР). В свою очередь, квалификация соглашения как сделки против закона, в обход закона или сделки, заключенной в целях причинения явного ущерба государству, на основании ст. 30, 147 и 402 ГК РСФСР полностью исключала двустороннюю реституцию. Стороны не возвращались в то имущественное положение, в котором они были до заключения договора в обход закона. Вместо этого действовавшие санкции предусматривали безвозмездное и принудительное обращение предмета сделки, совершенной в обход закона, в доход казны как неосновательного обогащения [11. С. 971–972].

Продолжая анализ техники юридического письма, укажем, что обход закона запрещался в правилах всего одной статьи рассматриваемого кодекса, диспозиция которой имела не описательный, а простой характер. Дефинитивная норма, раскрывающая понятие «обход закона» для целей данного кодекса, также отсутствовала. Предшествующего опыта противодействия обходу закона не имелось, и даже при его наличии он был бы неприменим, так как п. 6 Постановления ВЦИК от 11.11.1922 «О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР» предусматривал запрет на толкование положений ГК РСФСР на основе ранее действовавшего законодательства Российской империи, правовых актов Временного правительства и наработанной в эти периоды правоприменительной практики. В совокупности используемая конструкция диспозиции ст. 30 ГК РСФСР 1922 г. и указанные обстоятельства влекли очевидную терминологическую неопределенность, нечеткость и неоднозначность категории «обход закона», на что обращалось внимание [12. С. 245; 13. С. 22].

Проблема обострялась тем, что обход закона оставался не только новым, непривычным для правовой системы, но и малоизученным явлением. При отсутствии достаточного количества фундаментальных работ, посвященных анализу обхода закона, его сущность лишь отчасти прояснялась отдельными доктринальными положениями. Так, в первой советской энциклопедии государства и права давалось весьма лаконичная трактовка сделок, совершенных в обход закона. Они определялись как «...сделки, являющиеся

сами по себе не противозаконными, но заведомо направленные к достижению результатов, не допускаемых законом» [14. С. 1339–1340]. При этом характеристика самих действий, образующих обход закона, на энциклопедическом уровне не приводилась, а с учетом характера приведенной трактовки не представлялось возможным понять, по каким признакам можно отличить сделку, совершенную в обход закона, от сделки, недействительной по другому основанию, вследствие ее совершения с целью, противной закону.

Н.Г. Вавин утверждал, что сделка совершается в обход закона, «когда она имеет своею целью привести окольными путями к последствиям, которые стоят в противоречии с законом» [15. С. 9–10], и полагал, что для достижения таких последствий чаще всего прибегают к заключению притворных и фидуциарных сделок [16. С. 21]. В работе И.Б. Новицкого констатируется схожесть притворных сделок со сделками в обход закона, отмечая, что последние по своей сути законны и волеизъявление участников направлено на заключение именно такой сделки, однако она должна привести к незаконному результату, «чтобы обойти препятствия, которые они встречают в законе, и все-таки прийти к своей цели, хотя и не прямым путем» [17. С. 87]. С.Н. Братусь и М.В. Зимелева несколько иначе характеризовали обход закона, используя при этом телеологический подход. Ученые считали, что сделка в обход закона выражается в совершении допустимой сделки, посредством которой стороны предпринимают попытку достичь цели, противоречащей закону [18. С. 136]. Н.В. Рабинович полагает, что «характерным моментом для сделок, рассматриваемых как “обходные”, является способ действия — нарушение закона не прямо, а путем различных комбинаций, скрывающих и маскирующих это нарушение» [13. С. 25]. Вместе с тем ученый критически оценивает существовавшие доктринальные трактовки положений ст. 30 ГК РСФСР 1922 г., отмечая, что содержащаяся в них интерпретация понятия «обход закона» никак не соотносится со смысловым значением положений кодекса [13. С. 23]. Она обратила внимание на существование прикладных проблем разграничения судами недействительных сделок, запрещенных в правилах ст. 30 ГК РСФСР [13. С. 24–25], и высказалась о нецелесообразности выделения сделок в обход закона в качестве отдельной разновидности недействительных сделок [13. С. 22, 25]. В этом с ней солидарна Р.О. Халфина, отмечавшая, что сделка, совершенная в обход закона, почти всегда может рассматриваться как притворная сделка и «имеет своим правовым результатом осуществление цели, противоречащей закону» [19. С. 188].

Приведенные доктринальные позиции не исчерпывают идеи советских правоведов по поводу проблемы обхода закона, но наглядно иллюстрируют отсутствие единства в терминологии, существование не решенных юридической наукой, но весьма важных проблем разграничения сделок, совершенных в обход закона, со сделками, совершенными с целью, противной закону, а также с мнимыми и притворными сделками.

В действовавшем законодательстве проблема терминологической неопределенности также не была решена. Диспозиция ст. 30 ГК РСФСР не дополнялась соответствующим понятием, не была введена специальная норма-дефиниция, а аутентичное или легальное толкование, способное раскрыть понятие «обход закона» и его основные признаки, не осуществлялось. Верховный Суд РСФСР не давал разъяснений по правильному и единообразному применению указанной нормы, хотя в отдельных решениях и ориентировал суды на точное установление сознательного совершения сделки в обход закона с целью нарушить закон или с явным ущербом для государства (Из деятельности Верховного Суда РСФСР. Определения гражданской кассационной коллегии от 30.09.1924), а также разъяснял судам необходимость «особо осторожного подхода к сомнительным с житейской (а не с формальной) стороны договорам, выясняя в каждом отдельном случае, нет ли обхода закона» [20. С. 37–38].

Осуществленный анализ позволяет утверждать, что правоприменительная практика и доктрина в хронологических рамках действия ГК РСФСР 1922 г. расценивали в качестве сделок, совершенных в обход закона, достаточно многообразные казуальные соглашения и даже целые группы сделок.

Показательным примером здесь выступает чрезвычайно объемная группа разнородных отношений, участие в каком-либо из которых влекло квалификацию действий сторон как обход закона — даже при отсутствии прямого указания об этом в нормативной правовой базе. Речь идет о так называемых непоименованных договорах, широко распространенных в современном гражданском обороте. Отметим, что дореволюционное законодательство и доктрина рассматривали такие соглашения, не предусмотренные законодательством, но не противоречащие основным началам частного права и базовым требованиям, предъявляемым к сделкам [21. С. 158; 22. С. 145], как вполне правомерное и допустимое поведение, вытекающее из свободы договора и свободы согласования его условий. Однако, вопреки данной правовой традиции, в изменившихся реалиях всякий договор гражданско-правового характера, прямо не предусмотренный нормами ГК РСФСР, в соответствии с правовой позицией Верховного Суда РСФСР признавался сделкой, совершенной в обход закона [20. С. 36].

Считалось, что в обход закона совершаются сделки, нарушающие государственное планирование (например, заключение договора поставки фондируемой продукции в нарушение государственных планов ее распределения), сделки организаций, не предусмотренные их уставами (заключение договоров оптовой продажи организацией, занимающейся в соответствии с ее уставом только розничной торговлей, заключение промысловыми артелями сделок по продаже продукции, не произведенной ими самостоятельно, а приобретенной для последующей перепродажи) [23. С. 226]. По такому же основанию признавались недействительными спекулятивная купля-продажа, а также сделки, связанные с использованием собственного имущества с целью получения нетрудо-

вых доходов. Обходом закона признавались неоднократные, в том числе и хронологически отделенные друг от друга акты дарения между одними и теми же лицами имущества, которое фактически образует наследство [24. С. 845]. Таким же образом квалифицировались договоры дарения вещей на случай смерти дарителя [25. С. 255]. Считалось, что стороны обходят нормы закона о форме договора в случае приобретения права собственности на жилое недвижимое имущество путем домашнего, а не нотариального акта [26. С. 333]. Аналогичным образом оценивались действия, направленные на исключение применения к сделке правил ст. 182 ГК РСФСР, пресекающих возможность продажи жилья чаще, чем один раз в три года, посредством заключения между сторонами договора займа с залогом строения [27. С. 24]. В качестве сделки, совершенной в обход закона, рассматривалась продажа собственником принадлежащего ему имущества, на которое должно быть обращено взыскание его кредиторов [18. С. 136]. Сделками, совершенными в обход закона, являлись соглашения о торговом посредничестве гражданина по реализации продукции организации за комиссионное вознаграждение, договоры возмездной переуступки права пользования земельным участком, договоры учреждений и предприятий с третьими лицами по составлению проектов и смет по капитальному строительству [23. С. 226–227].

Важно, что при существовавшей четкой дифференциации права по отраслям пределы действия ст. 30 ГК РСФСР 1922 г. по запрету на обход закона на практике не ограничивались только гражданскими отношениями. При отсутствии в отраслевом законодательстве соответствующих норм-запретов, обходом закона официально признавались отдельные действия в области трудового права. В частности, применение работодателем обязательного увольнения по основанию непригодности к работе работника, совершившего уголовное преступление [28. С. 728; 29. С. 1014], реализация предпринимателем мер, направленных на сокрытие фактически существующих трудовых отношений с работником под формой гражданско-правовых отношений (Циркуляр Наркомюста РСФСР от 01.06.1924 № 99 «О борьбе с обходами законодательства о труде»), и др., в сфере гражданского процессуального права (например, при попытке сторонами прекратить судебный процесс путем заключения сомнительной мировой сделки) [30. С. 746] и даже в области отношений по поводу прохождения службы сотрудниками государственных учреждений. Также в случае оказания работниками кредитных организаций содействия скупщикам облигаций в продаже данных ценных бумаг в обход правил о покупке банками облигаций массовых займов [31. С. 47] или в ситуации, когда договор о выдаче стипендий заключается непосредственно со студентами, а не с компетентными органами, в ведении которых находятся вопросы образования (Из деятельности Верховного Суда РСФСР. Определения Пленума от 21.07.1924 (протокол № 15)).

В целом эти обстоятельства позволяют выделить тенденцию неординарно широкой востребованности

гражданско-правового механизма противодействия обходу закона, постепенного экстенсивного расширения сфер его применения в отраслях публичного права, которое могло бы лечь в основу издания соответствующих охранительных норм в ряде областей правового регулирования, обособленных от гражданского права. Последняя группа примеров, с учетом предусматривавшегося в положениях ст. 191 Гражданского процессуального кодекса РСФСР 1923 г. (ГПК РСФСР) права обжаловать действия нотариусов, дает основания утверждать, что обход закона гипотетически мог иметь место в отдельных отношениях по поводу осуществления публичных полномочий, что распространяет противодействие этому явлению на область, относящуюся к современной административной юстиции, достаточно прогрессивная модель которой была разработана в республике в 1917 г., но впоследствии осталась нереализованной в праве РСФСР и СССР [32. С. 113].

При этом юридическая природа и основные отличительные признаки обхода закона даже в гражданском праве не были формально определены. Четких критериев, позволяющих дать точную оценку сделки или иного юридически значимого поведения как действий, совершенных в обход закона, в правовых нормах предусмотрено не было. По существу, смысловое содержание категории «обход закона» в каждом конкретном случае устанавливалось по субъективному усмотрению наделенного соответствующими полномочиями правоприменителя. Подход к объективизации словосочетания «обход закона» в праве как исключительно оценочной категории делал это понятие чрезвычайно гибким, применимым в любых ситуациях, имеющим логический объем, не зафиксированный и никак не ограниченный правовыми предписаниями, а определяемый в каждом конкретном случае по внутреннему убеждению компетентного субъекта. Я.Н. Бранденбургский по этому поводу утверждал: «...советская юстиция исходит из того основного положения, что в области хозяйственной жизни существуют отношения только публично-правовые, и с этой точки зрения государство может аннулировать состоявшиеся между частными лицами соглашения, договоры и проч., если последние, по той или иной причине, невыгодны или вредны для нашего пролетарского государства. Так нужно понимать выражение: “недействителен договор, совершенный с целью, противной закону или в обход закона”. Так всегда это истолкует революционное правосознание народного суда» [33. С. 1–2].

Важно выделить законодательное преобразование, связанное с локальным, но коренным изменением статуса запрета на обход закона в механизме правового регулирования. Одновременно с изданием постановления о введении ГК РСФСР уже действовавший Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. (УК РСФСР) был дополнен ст. 79а (Постановление ВЦИК от 11.11.1922 «Об изменениях и дополнениях Уголовного кодекса РСФСР»), в которой была осуществлена криминализация сокрытия «наследственного имущества в целом или в части, а равно искусственное уменьшение стоимости наследства, в целях обхода законов о праве

наследования и наследственных пошлинах» (Постановление ВЦИК от 01.06.1922 (в ред. от 25.08.1924) «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР»). В элементном составе данного преступления обход закона выступает обязательным квалифицирующим признаком. Это обстоятельство позволяет утверждать, что обход закона с момента его первоначальной интеграции в механизм правового регулирования был расценен законодателем как социально вредная модель поведения, в отдельных правоотношениях обладающая признаками повышенной общественной опасности, в связи с чем образующая состав уголовного преступления. С учетом особенностей расположения ст. 79а во внутренней структуре УК РСФСР это деяние рассматривалось властным субъектом как причиняющее вред, прежде всего, публичным правоотношениям в области установленного порядка управления, а не частным имущественным отношениям в области универсального правопреемства.

Рассмотренная криминализация существенно изменила положение запрета на обход закона в структуре прочих правозащитных средств, однако это не побудило законодателя к принятию мер, направленных на повышение качества правового регулирования даже в сфере установленного уголовно-правового запрета. Введенным в УК РСФСР и рассмотренным предписанием осуществлялись охрана и защита от конкретного посягательства только отношений, регулируемых нормами налогового и наследственного права, в связи с чем по логическому объему оно было несопоставимо уже общего запрета, содержащегося в ст. 30 ГК РСФСР. Вместе с тем смысловое значение даже такого усеченного термина «обход закона» никак не раскрывалось в понятийно-категориальном аппарате уголовного законодательства для целей правильного и единообразного применения ст. 79а, что обостряло актуальность и придавало более масштабный, межотраслевой характер обозначенной проблеме формальной неопределенности данного понятия.

Криминализация обхода закона примечательна еще одним обстоятельством. ГК РСФСР, в соответствии со специальной нормой, приобретал юридическую силу с 01.01.1923, а рассмотренные изменения, внесенные в уголовное законодательство, на основании Постановления ВЦИК от 23.11.1918 (Постановление ВЦИК от 23.11.1918 «О времени вступления в силу узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства») вступали в силу со дня их опубликования, т.е. с 23.11.1922. Это означает, что формально самым первым действующим кодифицированным источником права, в который был внедрен запрет на обход закона, стал именно УК РСФСР 1922 г. В условиях криминализации обхода закона складывалась весьма противоречивая ситуация, при которой, вопреки логике правового воздействия на общество, охранительное законодательство, пусть и на непродолжительный срок, опережало регулятивное. Под угрозой применения к нарушителю наиболее строгих мер государственного принуждения вводился общеобязательный запрет на множество дифференцированных моделей поведения, отклоняющихся от пока еще не действующих и по этой

причине не подлежащих применению правил ст. 263, 271, 290, 416–435 ГК РСФСР, регламентирующих порядок наследования.

Совокупность рассмотренных законодательных преобразований существенно сказывалась на механизме правового регулирования. С помощью категории «обход закона» упорядочивание динамичных социальных связей и определение границ дозволенного в весьма широком спектре правоотношений ставились в прямую зависимость от субъективного усмотрения должностных лиц правоохранительных органов. С одной стороны, такой подход позволял эффективно противодействовать социально вредному поведению, которое в условиях происходивших коренных изменений в праве еще не было запрещено специальными нормами, компенсировал первоначальную неразвитость охранительного законодательства, а также проявляющиеся пробелы и коллизии в правовом регулировании. С другой – анализируемое правовое средство создавало очевидную и вполне реальную угрозу неверного толкования обхода закона, возникновения связанных с этим обстоятельством заблуждений и ошибок в применении права, а также явных злоупотреблений.

Изменившиеся правовые реалии также формировали достаточные логические предпосылки для пересмотра отдельных аспектов познания общих закономерностей возникновения, функционирования и развития государственно-правовых явлений. Вопреки этому в научных работах данного периода общетеоретические исследования обхода закона не проводились. В опубликованном в 1940 г. первом советском учебнике по теории государства и права феномен обхода закона не только не упоминался и не рассматривался в качестве формы неправомерного поведения, но и, по существу, отрицался в том виде, в котором он нашел практическую реализацию. Авторы данного учебника, характеризуя толкование права, отмечали: «При применении правовой нормы, главным образом закона, основная задача состоит не в том, чтобы сузить или расширить применение закона, а в том, чтобы применить этот закон именно так, как он написан, в точном соответствии с его текстом и смыслом. Поскольку суд не толкует, а применяет законы, то анализ, которому суд подвергает подлежащую применению норму, не может быть ни ограничительным, ни распространительным, а только полностью соответствующим самому закону. Расширить применение закона, т.е. выйти за пределы его текста, ни суд, ни другие органы не могут, так как это означало бы нарушение закона. Ограничить применение закона, т.е. сузить его по сравнению с его текстом, означало бы неприменение закона, когда он подлежит применению согласно его тексту, т.е. опять-таки нарушение закона» [34. С. 265]. Позднее М.С. Строгович несколько скорректировал данную позицию, указав, что толкование, ограничивающее или расширяющее смысл закона, является допустимым, когда оно вытекает из самого закона, обеспечивает правильное понимание смысла и надлежащее применение правовых предписаний. По мнению ученого, такое «ограничительное и распространитель-

ное толкование закона <...> является средством не обхода и нарушения закона, а его правильного и точного применения» [35. С. 429–430]. Такую же оценку получила и аналогия права.

Анализ научных работ в области теории государства и права, опубликованных в период с 1922 по 1964 г. позволяет утверждать, что весьма сложный феномен обхода закона, который потенциально мог многофакторно сказаться на правовом регулировании, по-прежнему оставался недостаточно разработанным и явно был недооценен советскими правоведом, что повлекло ряд особенностей в его восприятии [36. С. 232]. При наличии трудов, в которых констатировался сам факт существования соответствующего запрета [37. С. 34; 38. С. 233; 39. С. 158; 40. С. 331], проблемные аспекты понимания юридической природы и механизма совершения обхода закона так и не нашли предметной и системной разработки, классификация форм данного явления не осуществлялась, характеристика его признаков и социально вредных последствий не была дана. Общий объем наработанных теоретических положений никак не позволяет констатировать достаточную изученность этой сложной категории, которая нашла межотраслевое практическое применение с момента введения в действие кодифицированных источников гражданского и уголовного права. Вопреки правовым реалиям той эпохи существование запрета на обход закона также не нашло четкого рельефного проявления на иных фундаментальных теоретических знаниях, прежде всего – о реализации права, о правомерном поведении и о формах правонарушений, об охранительных функциях государства и права в том контексте, что, несмотря на сложившиеся и носящие общепризнанный характер представления, юридическую норму можно не только соблюсти, исполнить, использовать или прямо нарушить, но и обойти ее действие путем недобросовестного использования некоторых юридических конструкций. Уместно полагать, что обход закона расценивался в качестве явления, синкретичного с отраслевыми юридическими науками, в связи с чем существенно упрощался и необоснованно выводился за пределы предмета теории государства и права.

Вполне вероятно, что издание норм, регламентирующих противодействие обходу закона в 1922–1923 гг., могло бы послужить фундаментом для дальнейшего развития данного института, постепенной детализации и специализации запрещающих предписаний. Возможно, в некоторой перспективе это привело бы к качественным изменениям, обособлению запрета на обход закона в некий новый и самостоятельный правозащитный механизм, который выступил бы предметом тщательных общетеоретических исследований, однако дальнейшее развитие права продолжилось в несколько ином русле.

Между двумя последовательно сменявшими друг друга источниками уголовного права имелась преемственность в криминализации обхода закона. Запрет, аналогичный содержащемуся в ст. 79а УК РСФСР 1922 г., был закреплен в ст. 63 УК РСФСР 1926 г. Однако с принятием УК РСФСР 1960 г. это деяние уже

не предусматривалось в нормах Особенной части. Запрет на обход норм наследственного и налогового права был декриминализован и приобрел прежний статус одного из оснований для признания сделки недействительной.

Идентичные по направленности коренные изменения произошли и в гражданском законодательстве. С момента принятия ГК РСФСР 1964 г., т.е. с 01.10.1964 и до 01.01.2008 (Федеральный закон от 18.12.2006 № 231-ФЗ (в ред. от 30.12.2015) «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»), когда он полностью утратил силу, в его нормах не содержался запрет на обход закона. Эти обстоятельства можно было бы расценить как принятие публичной властью мер, означающих фактическое исключение соответствующего запрета из поля правового регулирования и радикальный отказ от его использования в правозащитных целях. Вместе с тем анализ правоприменительной практики и ведомственных нормативных актов позволяет утверждать, что рассмотренный советский опыт правового строительства заложил начала, но вовсе не исчерпал объем и формы внедрения запрета на обход закона в механизм государственно-правового регулирования на протяжении XX в.

Разъяснения, данные уже в период действия ГК РСФСР 1964 г., в п. 11 постановления Пленума ВС РСФСР от 12.12.1964 № 25 «О некоторых вопросах, возникших в практике применения судами Гражданского процессуального кодекса РСФСР», а затем данные в п. 12 Пленума ВС СССР от 03.04.1987 № 3 «О применении процессуального законодательства при рассмотрении гражданских дел в суде первой инстанции», ориентировали суды на недопустимость утверждения мировых соглашений, которые в обход закона направлены на освобождение работников от ответственности за ущерб, причиненный работодателю.

Правила п. 55 Постановления Совета Министров РСФСР от 30.06.1975 № 394 «О порядке совершения нотариальных действий исполнительными комитетами районных, городских, поселковых, сельских Советов депутатов трудящихся» и п. 75 Инструкции о порядке совершения нотариальных действий государственными нотариальными конторами РСФСР, утвержденной приказом министра юстиции РСФСР от 06.01.1987 № 01/16-01, предписывали при совершении нотариальных действий по удостоверению договоров дарения транспортных средств устанавливать, не направлено ли дарение на обход закона о порядке купли-продажи транспорта. Идентичные требования отказывать в удостоверении завещаний в случаях, если наследодатель действует в обход закона или в нарушение публичных интересов, содержались в пунктах как минимум четырех инструкций, устанавливающих порядок удостоверения завещаний отдельными должностными лицами (Инструкция о порядке удостоверения завещаний главными врачами, их заместителями по медицинской части или дежурными врачами больниц, других стационарных лечебно-профилактических учреждений, санаториев, а также директорами и главными врачами домов для престав-

рельных и инвалидов (утв. Минюстом СССР 20.06.1974); Инструкция о порядке удостоверения завещаний начальниками разведочных, арктических и других подобных им экспедиций (утв. Минюстом СССР 29.06.1974) и др.).

Изложенные обстоятельства позволяют утверждать, что вопреки отсутствию в кодифицированном законодательстве отправных норм, устанавливающих запрет на обход закона, бессистемное противодействие данной форме поведения в отдельных правоотношениях продолжалось на этапе государственно-правового строительства и после 1964 г. Посредством действующих норм советского права запрет на обход закона продолжал существовать в механизме правового регулирования во время становления и развития новой российской государственности. При этом Гражданский кодекс РФ с момента введения части первой в действие с 01.01.1995 не предусматривал возможность обхода закона и никак не запрещал совершение данного деяния, но спустя почти полвека после исключения запрета на обход закона из кодифицированного гражданского законодательства данное правозащитное средство было снова интегрировано в правовую материю уже упомянутым законом от 30.12.2012 № 302-ФЗ, в содержании которого усматриваются как очевидные признаки реверсивной направленности, связанные с обращением к прежнему опыту правового строительства, так и некоторый результат самобытности современного российского права, который еще предстоит осмыслить.

Подводя итоги проведенному анализу, представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Эволюционное развитие институтов государства и права, происходившее до 1917 г., не привело к естественному, постепенному формированию устойчивых детерминантов внедрения в механизм правового регулирования запрета на обход закона, которые обуславливались бы объективными нуждами гражданского оборота, корреспондирующими им потребностями социума или волей властного субъекта. Несвойственность дореволюционному праву данной конструкции и ее невостребованность объясняют общую неразработанность научных познаний о феномене обхода закона не только в энциклопедии права, в философии права и в возникшей в конце XIX – начале XX в. теории государства и права, но также и в отраслевых юридических науках.

2. Исходная нормативная основа противодействия обходу закона, представленная предписаниями актов, изданных в 1922 г., выступает результатом целенаправленного внедрения государством в механизм правового регулирования совокупности гибких правозащитных конструкций (в том числе запрета на совершение сделок с целью, противной закону, а также запрета сделок, направленных к явному ущербу для государства, и др.), посредством которых в области гражданского права достигался безусловный приоритет публичных интересов, а также обеспечивалась их действенная охрана и защита на очень сложном историко-правовом этапе развития государственности.

3. Под обходом закона в советском гражданском праве подразумевалась такая целенаправленная и не-

добросовестная реализация права, в результате которой возникшее правоотношение выводилось за пределы действия обязательных правил, запретов и ограничений, обеспечивающих соблюдение интересов государства, а также охраняющих права третьих лиц. Такие действия позволяли получить неосновательное обогащение либо извлечь иные выгоды и преимущества, но при этом ввиду пробелов в правовом регулировании или вследствие иных проявлений несовершенства законодательства у правоохранительных органов отсутствовали юридические основания для квалификации этих действий непосредственно как правонарушения.

4. В рассмотренной ретроспективе функциональная значимость запрета на обход закона в механизме правового регулирования наиболее наглядно проявлялась в том, что он:

а) выступал одним из факторов, коренным образом изменившим соотношение императивного и диспозитивного начал в сфере гражданско-правовых отношений в пользу императивного метода. Вопреки таким традиционным чертам частного права, как дозволенная вариативность соглашений, запрещение обхода закона повлекло резкое и всеобъемлющее ужесточение договорной дисциплины, дало мощный импульс к строгой унификации социальных связей, недопущению отклонений сторон от моделей поведения, законодательно предписанных для каждого отдельного вида сделок. Под угрозой недействительности соглашений запрет на обход закона задал тенденцию интенсивного роста упорядоченности масштабного пласта социальных связей в области гражданского оборота, стремившуюся к их стандартизации;

б) впервые взял имущественные отношения под охрану и защиту от неопределенного множества дифференцированных действий, нарушающих публичные интересы, но не запрещенных прямо, проявляющихся в нецелевом использовании свободы договора в корыстных целях;

в) являлся универсальным правозащитным инструментом, наделяющим правоохранительные органы чрезмерно широкими полномочиями оценивать по своему усмотрению правомерность всякой сделки. Указанная компетенция не имела четких юридических ограничений и, что особенно примечательно, могла реализовываться вне зависимости от качества норм материального права, регулирующих порядок совершения сделок. Тем самым запрет на обход закона компенсировал недостатки полноты и детализированности правового регулирования, позволяя правоприменителю приводить социальные связи в соответствие с нуждами государства даже путем ущемления частных интересов. Тем самым анализируемый запрет выступал одним из исходных компонентов всеобъемлющего и многоаспектного государственного контроля в области гражданского оборота;

г) вследствие закрепленных в гражданском и уголовном законодательстве санкций был средством, способствовавшим пополнению доходной части казны за счет безвозмездного обращения в пользу государства имущества, явившегося предметом сделки, совершенной в обход закона, а также путем полной

или частичной конфискации на основании обвинительного приговора наследного имущества либо наложения на виновного предусмотренных уголовным законом имущественных взысканий.

5. Законодательная регламентация и особенности функционирования запрета на обход закона в механизме правового регулирования были сопряжены с рядом следующих обстоятельств:

– не только внедрение анализируемого запрета в механизм правового регулирования, но и все его дальнейшее существование происходили в условиях отсутствия общетеоретической концепции обхода закона, которая объясняла бы данный феномен и его социально вредный характер. В области теории государства и права не имелось научных трудов монографического уровня, раскрывавших общие закономерности данной формы поведения, содействовавших в выборе перспективных направлений реформирования, указывавших на эффективные способы противодействия обходу закона и на подходы к оптимальному порядку запрещения этого деяния, выступавших научной опорой в отладке и оптимизации правоприменительной практики. Таким образом, с 1922 до 1964 г. в самых важных, базовых положениях гражданского законодательства закреплялся правозащитный механизм, запрещающий неизученное, неочевидное и предельно абстрактное явление, опосредованное оценочной категорией;

– с момента введения и на всем протяжении действия рассмотренных в ходе исследования норм понятие «обход закона» оставалось формально неопределенным. Даже взятые в совокупности правовые предписания, практика их применения и немногочисленные предметные точки зрения правоведов не раскрывали смысловое значение обхода закона, не выявляли механизмы совершения такого обхода, присущие ему закономерности и его основные отличия от прямого нарушения юридических установлений. Они, скорее, формировали некое эмпирическое представление о сущности этого сложного явления, которое с течением времени лишь фрагментарно конкретизировалось за счет наработки судебной практики, казуальных случаев признания сделок совершенными в обход закона. Как оценочная категория обход закона в каждом конкретном случае полностью зависел от уровня правосознания и субъективного усмотрения правоприменителя, что создавало предпосылки для возможных ошибок и злоупотреблений, а также делало практически невыполнимой задачу формирования единообразной правоприменительной практики в масштабах всего государства;

– позиция законодателя по поводу использования иных отраслей права для комплексного противодействия обходу закона предстает недостаточно логически выверенной. Во-первых, при рассмотренных существенных недостатках ключевых регулятивных норм акт криминализации обхода закона, пусть даже и единичный, выглядит явно преждевременным. Правильная квалификация соответствующего преступления виделась невыполнимой задачей, так как не имелось объективной возможности сопоставить конкрет-

ное деяние с отсутствующими в уголовном законе признаками запрещенного деяния. Вместе с тем существование уголовно-правового запрета обхода закона означало возможность применения самых строгих мер государственного принуждения за совершение формально неопределенного деяния. Во-вторых, имел место только один казуальный акт криминализации обхода закона в сфере наследственных и налоговых отношений. Весь остальной массив социальных связей, которые вполне могли возникать по поводу имущества с существенным стоимостным выражением, не получил дополнительной уголовно-правовой охраны и защиты. Наконец, в-третьих, административная ответственность за обход закона в тех или иных правоотношениях не устанавливалась вообще. В совокупности данные обстоятельства указывают на общую несформированность подходов законодателя к борьбе с обходом закона, проявляют недоработанное состояние действовавшей нормативной базы, повлекшее дезорганизацию системных связей между охранительными нормами различной отраслевой принадлежности;

– с 1922 по 1964 г. запрет на обход закона был опосредован предписанием одной общей нормы ГК РСФСР и одной охранительной нормы каждого из двух последовательно сменявших друг друга кодифицированных источников уголовного права. В сочетании с отсутствием специальных норм-запретов, не разрешавших казуальные формы обхода закона для конкретных отношений, имевшаяся плотность правового регулирования была крайне недостаточной, что делало невозможным правильное и мотивированное установление обхода закона, его четкое разграничение не только с прямым нарушением правовой нормы, но и с правомерным поведением;

– можно констатировать очевидный законодательный дисбаланс [41. С. 22] между обходом закона и ответственностью за его совершение в гражданском законодательстве. Вне зависимости от характера и последствий указанного деяния за его совершение не предусматривалось никаких альтернативных правовых последствий, кроме самых неблагоприятных из закрепленных в ГК РСФСР 1922 г. – полного обращения в доход государства имущества, являющегося предметом сделки, как имущества, полученного путем неосновательного обогащения. С одной стороны, такая санкция позволяла достичь эффективной превенции запрещаемого деяния, с другой стороны, полностью исключала возможность индивидуализации юридической ответственности и давала основания рассматривать анализируемый запрет прежде всего как карательную меру.

6. На первоначальных этапах развития советского механизма правового регулирования запрет на обход закона имел значение дополнительной юридической гарантии законности в области гражданского права. Идея недопущения выхода за пределы правового регулирования для достижения определенного результата, преодолевая тем самым установленные ограничения и нарушая права других лиц, была актуальной для содействия обеспечению беспрепятственной реализа-

ции государственной политики в период формирования нового гражданского законодательства. Однако не только на начальных этапах введения, но и на протяжении всего последующего периода действия ГК РСФСР 1922 г. данная идея, по существу, оставалась лишь декларацией, так и не нашедшей полноценной реализации в праве. Юридическая природа самого феномена «обход закона» не была достаточно изучена правоведами и не раскрывалась в законодательстве, в связи с чем любая сделка, даже в самой незначительной мере отклоняющаяся от предусмотренных материальными нормами правил и процедур, могла быть признана совершенной в обход закона. Именно по этой причине анализируемый запрет можно рассматривать, прежде всего, как универсальное ситуационное решение, легитимировавшее в условиях глубоких кризисных явлений возможность вмешательства публичной власти в имущественные отношения, обеспечивающее публичные интересы даже за счет фактической правовой незащищенности имущества участников гражданского оборота. Уже на начальных стадиях введения в действие ГПК РСФСР

1922 г. запрет на обход закона стал фактором, в значительной мере обременявшим участников гражданских правоотношений дополнительными и существенными имущественными рисками. Вероятность квалификации сделки как совершенной в обход закона и сопряженные с этим суровые санкции становились препятствиями для имущественного оборота, вынуждали стороны очень осторожно и максимально формализованно пользоваться своими правами и брать на себя какие-либо обязанности, предусмотренные законом, затрудняли разумное прогнозирование правовых последствий всякой сделки. Однако с течением времени такой подход к охране имущественных отношений постепенно утрачивал обоснованность вследствие изменившейся обстановки, развития как регулятивного законодательства, так и других правозащитных средств. Данные объективные процессы не нашли отражения в механизме противодействия обходу закона, до 1964 г. соответствующие единичные нормы-запреты не подвергались каким-либо изменениям, а просто инертно существовали, что, в конечном итоге, привело к их естественному устареванию и деактуализации.

Список источников

1. Архипова Е.Ю. Роль неюрисдикционного процесса в правовой жизни российского общества // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 1. С. 110–114.
2. Бартошек М. Римское право. Понятия, термины, определения / пер. с чеш. Ю.В. Пресняков; спец. науч. ред. З.М. Черниловский. М. : Юрид. лит., 1989. 448 с.
3. Дигесты Юстиниана /пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов; ред. колл.: А.В. Копылов, Е.В. Кулагина, А.Д. Рудоквас, В.А. Савельев (науч. ред.), Е.А. Суханов (науч. ред.), В.А. Томсинов (науч. ред.). Т. 1, кн. 1–4. М. : Статут, 2008. 584 с.
4. Камышанский В.П. Категория «обход закона» в российском гражданском праве // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 101. С. 1824–1832.
5. Суворов Е.Д. Проблемы правовой квалификации сделок и иных действий, совершенных в обход закона : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 26 с.
6. Новицкая А.А. Институт недействительности договора в итальянском праве // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2017. Т. 21, № 17. С. 565–581.
7. Камышанский В.П. К вопросу о понятии «обход закона» в Гражданском кодексе Российской Федерации // Власть закона. 2013. № 2. С. 13–20.
8. Суворов Е.Д. Обход закона. Сделка, оформляющая обход закона. М. : Издательский дом В. Ема, 2008. 188 с.
9. Муранов А.И. К вопросу об «обходе закона» // Московский журнал международного права. 1997. № 3. С. 42–76.
10. Генкин Д.М., Новицкий И.Б., Рабинович Н.В. История советского гражданского права. М. : Юрид. изд-во МИО СССР, 1949. 544 с.
11. Энциклопедия государства и права / под ред. П. Стучка. Т. 1. М. : Изд-во Ком. Акад., 1925. 1240 с.
12. Стучка П.И. Курс советского гражданского права. Т. 2. Общая часть гражданского права. М. : Изд-во Ком. Акад., 1929. 376 с.
13. Рабинович Н.В. Недействительность сделок и ее последствия. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. 171 с.
14. Энциклопедия государства и права / под ред. П. Стучка. Т. 2. М. : Изд-во Ком. Акад., 1925. 1456 с.
15. Вавин Н.Г. Ничтожные сделки (ст. 30 Гражд. код. РСФСР и УССР и последствия ее нарушения) / Н.Г. Вавин, член Московской коллегии защитников. М. : Правовая защита, 1926. 24 с.
16. Вавин Н.Г. Статья 30 Гражданского Кодекса и последствия ее нарушения // Право и Жизнь. М., 1925. Кн. 1. С. 17–28.
17. Новицкий И.Б. Сделки. Исковая давность. М. : Госюриздат. лит., 1954. 248 с.
18. Советское гражданское право : учеб. / С.Н. Братусь, К.А. Граве, М.В. Зимелева, В.И. Серебровский и др. ; под ред. С.Н. Братуся. 4-е изд., испр. и доп. М. : Госюриздат, 1950. 677 с.
19. Халфина Р.О. Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве / отв. ред. В.Н. Можейко. М. : Изд-во АН СССР, 1954. 239 с.
20. Сборник разъяснений Верховного Суда РСФСР / под ред. И.Л. Булата. 4-е изд. М. : Советское законодательство, 1935. 388 с.
21. Мейер Д.И. Русское гражданское право : в 2 ч. По исправленному и дополненному 8-му изданию, 1902 г. Ч. 2 / редкол.: В.С. Ем, Н.В. Козлова, С.М. Корнеев, Е.В. Кулагина, П.А. Панкратов, Е.А. Суханов. М. : Статут, 1997. 455 с.
22. Таль Л.С. Трудовой договор: цивилистическое исследование. М. : Статут, 2006. 539 с.
23. Советское гражданское право : учеб. Т. 1 / С.Н. Братусь, Д.М. Генкин, Л.А. Лунц, И.Б. Новицкий; под ред. Д.М. Генкина. М. : Госюриздат, 1950. 495 с.
24. Раевич С. Некоторые вопросы, связанные с последствиями дарения по Гражданскому кодексу (окончание) // Ежегодник советской юстиции. 1923. № 37. С. 844–845.
25. Советское гражданское право : учеб. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. 264 с.
26. Кассационные определения Верховного Суда по гражданской кассационной коллегии // Ежегодник советской юстиции. 1924. № 14. С. 333–334.
27. Чараев. Отчуждение строений в обход ст. 182 Гражданского кодекса // Советская юстиция. 1930. № 14. С. 24.
28. Захотер В. К вопросу о толковании 47 ст. Кодекса законов о труде // Ежегодник советской юстиции. 1923. № 32. С. 728.
29. Лях А. Дискуссия подходит к концу (о пункте «д» ст. 47 Кодекса законов о труде) // Ежегодник советской юстиции. 1923. № 44. С. 1013–1015.
30. Прушицкий С. О мировых сделках // Ежегодник советской юстиции. 1923. № 33. С. 745–747.

31. Сборник действующих постановлений Пленума и директивных писем Верховного Суда СССР, 1924–1944 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1946. 228 с.
32. Ламонов Е.В., Бурашникова Н.А. Некоторые проблемные вопросы, возникающие при рассмотрении административных дел районными судами и в суде апелляционной инстанции // Журнал административного судопроизводства. 2016. № 1. С. 113–120.
33. Бранденбургский Я.Н. Новая экономическая политика и советская юстиция // Ежедневник советской юстиции. 1922. № 9. С. 1–2.
34. Голунский С.А., Строгович М.С. Теория государства и права : учебник. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. 304 с.
35. Теория государства и права : учебник / М.А. Аржанов, С.Ф. Кечекьян, Б.С. Маньковский, М.С. Строгович; науч. ред. М.П. Караваев. М. : Госюриздат, 1949. 511 с.
36. Свиридов В.В. Идея коммуникации (взаимодействия) и теория правовых отношений (доктринально-исторический анализ) // Образование и право. 2017. № 11. С. 231–238.
37. Галесник Л.С. Нормы права и практика коммунистического строительства // Вопросы общей теории советского права : сб. ст. / под ред. С.Н. Братуся. М. : Госюриздат, 1960. С. 6–43.
38. Флейшиц Е.А. О структуре правовой нормы и классификации ее элементов // Вопросы общей теории советского права : сб. ст. / под ред. С.Н. Братуся. М. : Госюриздат, 1960. С. 194–254.
39. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М. : Госюриздат, 1961. 381 с.
40. Голяков И.Т. Правосудие социалистического государства // Вопросы советского социалистического права. К 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. М. : Госюриздат, 1958. С. 317–370.
41. Белоусов С.А. Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика) : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015. 501 с.

References

1. Arkhipova, E.Yu. (2016) The role of non jurisdictional process in legal life of Russian society. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*. 1. pp. 110–114. (In Russian).
2. Bartoshek, M. (1989) *Rimskoe pravo. Ponyatiya, terminy, opredeleniya* [Roman Law. Concepts, terms, definitions]. Translated from Czech by Yu.V. Presnyakov. Moscow: Yurid. lit.
3. Kofanov, L.L. (ed.) (2008) *Digesty Yustiniana* [Digests of Justinian]. Translated from Latin. Vol 1. Moscow: Statut.
4. Kamyshanskiy, V.P. (2014) Category of circumvention of the law in Russian civil law. *Politematicheskij setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta – Polythematic Online Scientific Journal of Kuban State Agrarian University*. 101. pp. 1824–1832. (In Russian).
5. Suvorov, E.D. (2009) *Problemy pravovoy kvalifikatsii sdelok i inyykh deystviy, sovershennykh v obkhod zakona* [Problems of legal qualification of transactions and other actions committed in circumvention of the law]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
6. Novitskaya, A.A. (2017) Invalidity of contract under the Italian law. *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki – RUDN Journal of Law*. 4 (21). pp. 565–581. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2337-2017-21-4-565-581
7. Kamyshanskiy, V.P. (2013) To the question of the concept “circumvention of the law” of the civil code of the Russian Federation. *Vlast' zakona*. 2. pp. 13–20. (In Russian).
8. Suvorov, E.D. (2008) *Obkhod zakona. Sdelka, oformlyayushchaya obkhod zakona* [Bypassing the Law. A deal that circumvents the law]. Moscow: Izdatel'skiy dom V. Ema.
9. Muranov, A.I. (1997) K voprosu ob “obkhode zakona” [On the issue of “circumvention of the law”]. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava – Moscow Journal of International Law*. 3. pp. 42–76. DOI: 10.24833/0869-0049-1997-3-42-76
10. Genkin, D.M., Novitskiy, I.B. & Rabinovich, N.V. (1949) *Istoriya sovetskogo grazhdanskogo prava* [History of Soviet Civil Law]. Moscow: Yurid. izd-vo MYu SSSR.
11. Stuchka, P.I. (ed.) (1925) *Entsiklopediya gosudarstva i prava* [Encyclopedia of State and Law]. Vol. 1. Moscow: Izd-vo Kom. Akad.
12. Stuchka, P.I. (1929) *Kurs sovetskogo grazhdanskogo prava* [The Course of Soviet Civil Law]. Vol. 2. Moscow: Izd-vo Kom. Akad.
13. Rabinovich, N.V. (1960) *Nedeystvitel'nost' sdelok i ee posledstviya* [Invalidity of transactions and its consequences]. Leningrad: Leningrad State University.
14. Stuchka, P.I. (ed.) (1925) *Entsiklopediya gosudarstva i prava* [Encyclopedia of State and Law]. Vol. 2. Moscow: Izd-vo Kom. Akad.
15. Vavin, N.G. (1926) *Nichtozhnye sdelki (St. 30 Grazhd. Kod. RSFSR i USSR i posledstviya ee narusheniya)* [Void transactions (Art. 30 of the Civil Code of the RSFSR and the Ukrainian SSR and the consequences of its violation)]. Moscow: Izd-vo “Pravovaya zashchita”.
16. Vavin, N.G. (1925) Stat'ya 30 Grazhdanskogo Kodeksa i posledstviya ee narusheniya [Article 30 of the Civil Code and the consequences of its violation]. *Pravo i Zhizn'*. 1. pp. 17–28.
17. Novitskiy, I.B. (1954) *Sdelki. Iskovaya davnost'* [Deals. Limitation of actions]. Moscow: Gosyurizdat. lit.
18. Bratus', S.N. (ed.) (1950) *Sovetskoe grazhdanskoe pravo* [Soviet Civil Law]. 4th ed. Moscow: Gosyurizdat.
19. Khalifina, R.O. (1954) *Znachenie i sushchnost' dogovora v sovetskom sotsialisticheskom grazhdanskom prave* [Meaning and Essence of the Contract in the Soviet Socialist Civil Law]. Moscow: USSR AS.
20. Bulat, I.L. (ed.) (1935) *Sbornik raz'yasneniy Verkhovnogo Suda RSFSR* [Collection of Explanations of the Supreme Court of the RSFSR]. 4th ed. Moscow: Sovetskoe zakonodatel'stvo.
21. Meyer, D.I. (1997) *Russkoe grazhdanskoe pravo* [Russian Civil Law]. Pt. 2. Moscow: Statut.
22. Tal', L.S. (2006) *Trudovoy dogovor: tsivilisticheskoe issledovanie* [Employment Contract: A civilistic study]. Moscow: Statut.
23. Genkin, D.M. (ed.) (1950) *Sovetskoe grazhdanskoe pravo* [Soviet Civil Law]. Vol. 1. Moscow: Gosyurizdat.
24. Raevich, S. (1923) *Nekotorye voprosy, svyazannye s posledstviyami dareniya po Grazhdanskomu Kodeksu (Okonchanie)* [Some issues related to the consequences of donation under the Civil Code (Ending)]. *Ezhenedel'nik sovetskoy yustitsii*. 37. pp. 844–845.
25. Vil'nyanskiy, S.I. (ed.) (1940) *Sovetskoe grazhdanskoe pravo* [Soviet Civil Law]. Moscow: Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYu SSSR.
26. Ezhenedel'nik sovetskoy yustitsii. (1924) *Kassatsionnye opredeleniya Verkhovnogo Suda po grazhdanskoy kassatsionnoy kollegii* [Cassation rulings of the Supreme Court on the Civil Cassation Collegium]. *Ezhenedel'nik sovetskoy yustitsii*. 14. pp. 333–334.
27. Sovetskaya yustitsiya. (1930) Charaev. Otchuzhdenie stroeniy v obkhod st. 182 Grazhdanskogo Kodeksa [Charaev. Alienation of buildings bypassing art. 182 of the Civil Code]. *Sovetskaya yustitsiya*. 14. P. 24.
28. Zakhoder, V. (1923) K voprosu o tolkovanii 47 st. Kodeksa zakonov o trude [To the question of interpretation of 47 Article of the Code of Labor Laws]. *Ezhenedel'nik sovetskoy yustitsii*. 32. P. 728.
29. Lyakh, A. (1923) *Diskussiya podkhodit k kontsu (o punkte “d” st. 47 Kodeksa zakonov o trude)* [The discussion is coming to an end (about paragraph “d” of article 47 of the Code of Labor Laws)]. *Ezhenedel'nik sovetskoy yustitsii*. 44. pp. 1013–1015.
30. Prushitskiy, S. (1923) O mirovykh sdelkakh [About amicable settlements]. *Ezhenedel'nik sovetskoy yustitsii*. 33. pp. 745–747.
31. Golyakov, I.T. (ed.) (1946) *Sbornik deystviyushchikh postanovleniy Plenuma i direktivnykh pisem Verkhovnogo Suda SSSR, 1924–1944 gg.* [Collection of current resolutions of the Plenum and directive letters of the Supreme Court of the USSR, 1924–1944]. Moscow: Yurid. izd-vo MYu SSSR.
32. Lamonov, E.V. & Burashnikova, N.A. (2016) Some of the problems arising in administrative cases in the district courts and the court of appeal. *Zhurnal administrativnogo sudoproizvodstva – Journal of the Administrative Proceedings*. 1. pp. 113–120. (In Russian).

33. Brandenburgskiy, Ya.N. (1922) Novaya ekonomicheskaya politika i sovetskaya yustitsiya [New Economic Policy and Soviet Justice]. *Ezhenedel'nik sovetskoy yustitsii*. 9. pp. 1–2.
34. Golunskiy, S.A. & Strogovich, M.S. (1940) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Yuridicheskoe izd-vo NKYu SSSR.
35. Karavaev, M.P. (ed.) (1949) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Gosyurizdat.
36. Sviridov, V.V. (2017) The idea of interaction and the theory of legal relations (doctrinal-historical analyses). *Obrazovanie i pravo*. 11. pp. 231–238. (In Russian).
37. Galesnik, L.S. (1960) Normy prava i praktika kommunisticheskogo stroitel'stva [Rules of law and the practice of communist construction]. In: Bratus', S.N. (ed.) *Voprosy obshchey teorii sovetskogo prava* [Questions of the General Theory of Soviet Law]. Moscow: Gosyurizdat. pp. 6–43.
38. Fleyshits, E.A. (1960) O strukture pravovoy normy i klassifikatsii ee elementov [On the structure of the legal norm and the classification of its elements]. In: Bratus', S.N. (ed.) *Voprosy obshchey teorii sovetskogo prava* [Questions of the General Theory of Soviet Law]. Moscow: Gosyurizdat. pp. 194–254.
39. Ioffe, O.S. & Shargorodskiy, M.D. (1961) *Voprosy teorii prava* [Questions of the Theory of Law]. Moscow: Gosyurizdat.
40. Golyakov, I.T. (1958) Pravosudie sotsialisticheskogo gosudarstva [Justice of the socialist state]. In: *Voprosy sovetskogo sotsialisticheskogo prava. K 40-letiyu Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii* [Issues of Soviet socialist law. To the 40th anniversary of the Great October Socialist Revolution]. Moscow: Gosyurizdat. pp. 317–370.
41. Belousov, S.A. (2015) *Zakonodatel'nyy disbalans (doktrina, teoriya, praktika)* [Legislative imbalance (doctrine, theory, practice)]. Dr. Law Diss. Saratov.

Информация об авторах:

Сенякин И.Н. – д-р юрид. наук, профессор кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии (Саратов, Россия). E-mail: vestnik2@ssla.ru

Репьев А.Г. – канд. юрид. наук, зам. начальника кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Барнаульского юридического института МВД России (Барнаул, Россия). E-mail: rejev-artem@yandex.ru

Торчилин К.Е. – канд. юрид. наук, помощник судьи Тамбовского областного суда (Тамбов, Россия). E-mail: k.e.torchilin@gmail.com

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.N. Senyakin, Dr. Sci. (Law), professor, Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation). E-mail: vestnik2@ssla.ru

A.G. Rejev, Cand. Sci. (Law), Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Barnaul, Russian Federation). E-mail: rejev-artem@yandex.ru

K.E. Torchilin, Cand. Sci. (Law), Tambov regional court (Tambov, Russian Federation). E-mail: K.E.Torchilin@gmail.com

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.09.2020;
одобрена после рецензирования 20.03.2021; принята к публикации 28.01.2022.*

*The article was submitted 22.09.2020;
approved after reviewing 20.03.2021; accepted for publication 28.01.2022.*